

О.Силантьев

ОСЕНЬ

рассказ

Олег Фёдорович Силантьев

Осень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39957836

SelfPub; 2018

Аннотация

Послевоенные годы. Советская власть ведет борьбу за окончательное искоренение единоличных хозяйств. В этом рассказе представлен один эпизод противостояния полуграмотной крестьянки и представителей местных органов власти. Обложка: коллаж работы автора, использованы фотографии из личного архива.

Мир не без добрых людей.

Народная поговорка.

На лесную усыпанную осенней листвой дорогу вышла женщина. В правой руке она несла большую покрытую листьями папоротника корзину, а на спине у неё висел плетеный из бересты короб. Осмотревшись по сторонам, она выбрала направление и уже сделала пару шагов, как вдруг остановилась, поставила на землю корзину и руками осторожно раздвинула растущую вдоль обочины траву. Из-под прошлогодней листвы стеснительно выглядывал мохнатый краешек белого с легким кремовым оттенком груздя. Женщина не торопясь выкрутила гриб, взяла лежащий в корзине нож и выпрямилась. Легкими уверенными движениями она поскоблила ножку гриба, срезала корешок с остатками земли и, отрезав ножку от шляпки, отправила её в рот. Устало расправив плечи и пережевывая гриб, женщина разглядывала окружающий её лес. Эти места она знала с детства. Зброшенная поросшая травой дорога начиналась в том селе, где она жила. Именно в селе, а не в деревне, потому что у них был храм. Мысли о храме тенью легли на ее лицо. В церкви, построенной всем миром еще в прошлом веке, службу сейчас не отправляли. Новые власти устроили там амбар для зерна. Свое-то построить не могут, вот и оскверняют все, до чего руки дотягиваются. А по этот год всю уборочную дожди лили, не переставая. Так они до чего додумались? Постави-

ли в храме зерносушилку, а чтобы растапливать ее – иконы стали на щепу рубить. Как только руки-то поднялись? Она и еще несколько богомольных женщин однажды ночью сломали замок и вынесли святые лики для спасения. Кто сколько смог. Она спрятала у себя на сеновале три больших, в человеческий рост иконы.

Другим своим концом дорога упиралась в старую пасеку. Когда-то эта пасека принадлежала ее отцу. У него было семьдесят ульев. Сейчас там ничего не осталось. Дом, в котором жил пасечник, обветшал, крыша обвалилась. Лишь по пенькам можно понять, где стояли ульи. Сохранился маленький шалаш, который они с сестрой построили будучи еще детьми, и то потому, что она каждый год обязательно несколько раз приходит на это место, поправляет шалаш, а потом сидит и вспоминает всю свою некогда большую семью. Больше всего она печалится о своей сестре. Как она там – в далекой холодной Сибири? Жива ли? Тряхнув головой, отгоняя печаль, женщина положила нож и шляпку гриба в корзину, спрятав их под листьями, и широким уверенным шагом направилась в сторону села. Но думы не отступали. Шелест листьев, перекрываемый щебетанием птиц, успокаивал. Здесь, в лесу, подальше от людей, она могла расслабиться и позволить своим мыслям появляться и исчезать, как им захочется. Женщина вспомнила, что вчера приезжал человек из артели, что в Керемети. Приглашал на уборку брюквы. Последняя артель во всей округе, которую еще не передела-

ли в колхоз. Тамошний председатель за работу платил деньгами, не так, как в колхозах, – палочка в тетрадке. Женщина попросила Господа, чтобы он не обходил этих людей своей благодатью. Человек привез три мешка брюквы. Сказал, что это товарный задаток. Она, было, отказалась, но человек настоял, сказав, что если она согласна прийти на уборку, то должна взять задаток. Женщина успокоила себя мыслью о том, что в печке стоит чугунок пареной брюквы, и значит дети дома не голодают. Но появившееся вдруг чувство неясной тревоги, предвещающее неминуемую беду, не успокаивалось и, как веревкой, все сильнее и сильнее тянуло к дому.

Маленький домик, четырехстенок, добрую половину которого занимала русская печь, стоял возле речки. На другом берегу когда-то были сенокосные луга. Ее отец и дядька Митрофан каждый год косили там сено. Еще до колхозов, чтобы не объезжать по большому мосту, собрав своих домочадцев, сделали они силами двух семейств запруду через речку. По той запруде накатали дорогу. Если выезжать из села, то слева от этой новой дороги высился холм скотомогильника, не один десяток лет сельчане свозили туда навоз и палую скотину, а справа от дороги стоял этот домик. В те годы жила там безродная старушка. Хозяйства она никакого не вела, потому огорода и каких-либо надворных построек не было. А жила старушка тем, что люди дадут. Бог сжалился над ней и прибрал к себе еще до голодного года. Женщина была маленькой девочкой, когда всю их семью пе-

реселили в этот домик, забрав большой, добротный дом в центре села под правление колхоза. После голода к ним в село стали приезжать люди со стороны, строили за речкой себе дома. Там выстроилась целая улица. В кирпичных амбарах дядьки Митрофана сделали лавки сельпо. И постепенно центр сельской жизни переместился ближе к этому домику. Только холм скотомогильника портил вид и воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.